

Научная статья

УДК 316.42

doi: 10.17223/1998863X/68/17

ОБЩЕСТВО РИСКА: ВОЗМОЖНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Данила Андреевич Якуничев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
cool.yadanila2013@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется концепция риска, ее центральная роль во многих современных политических дебатах. Отмечена ее парадоксальная трактовка в последние десятилетия. С одной стороны, наметилась тенденция к укрупнению риска, с другой стороны, понимание вероятности и случайности возросло. Впоследствии модернистская уверенность в перспективах контроля над риском оказалась умереннее и частично подорвана соответствующими событиями.

Ключевые слова: Ульрих Бек, общество риска, культура риска, глобализация

Для цитирования: Якуничев Д.А. Общество риска: возможная модель развития современного общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 174–182. doi: 10.17223/1998863X/68/17

Original article

RISK SOCIETY: A POSSIBLE MODEL FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Danila A. Iakunichev

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
cool.yadanila2013@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes how theoretically, methodologically and empirically it is possible to open the theory of society and politics to a historically new, intertwined modernity that cancels its own foundations. The author shows how in the discourse of Ulrich Beck's philosophy, the concept of a risk society does not stand in isolation. Rather, it is just a component (although extremely important, perhaps even central) of an even more comprehensive theory, namely the so-called theory of "reflexive modernization". That is why the risk society should be understood, taking into account the comprehensive completeness of Beck's philosophy: it is the intersection of two different eras of modernity. The goal of people should be to overcome the risk society with the help of reflexive modernization and, thus, finally enter the normative target state of the second modern. It is the theory, the theory of society and politics, that can reveal the fundamental fragility and variability of social dynamics that come from the globalization of capital and risks at the beginning of the 21st century. It should be remembered that risks are the result of the process of social construction. However, with the development of mass media and the publicly accessible, worldwide Internet, it is not the abstract risks themselves that are perceived as threatening, but their concrete thematization in the media. This leads to the fact that reality is perceived cognitively in accordance with the schematism of safety and danger. However, paradoxically, the inflation of "perceived risks" also leads to greater indifference. Criticism of Beck's philosophy, based on the argument of the limitation of Beck's works in time and space, is refuted by his later works, such as "World at Risk". Beck expanded some aspects of

the concept, which he only hinted at in 1986, and also developed the theory from the point of view of advanced globalization. He did not blame or defend capitalism, but rather pointed out measures to reduce and eliminate risks. Risk always has two sides: the negative side of danger and the positive side of opportunity. That is why in today's society, risk management provides potential scenarios for the future and tools for better risk control.

Keywords: Ulrich Beck, risk society, risk culture, globalization

For citation: Iakunichev, D.A. (2022) Risk society: a possible model for the development of modern society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Poliologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 68. pp. 174–182. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/17

Уверенно вступая в новое десятилетие, человеческому обществу необходимо провести фундаментальную переоценку характера и роли концепций риска и общества риска. Сегодня, по мере того, как общество становится все более фрагментированным, основное внимание политиков и управленцев смещается с традиционных способов принятия решений и поддержания порядка на обеспечение функционирования социальных, экономических и политических институтов с помощью технологий наблюдения и превенции, предназначенных для выявления, прогнозирования и управления рисками. С учетом новых глобальных (социальных, экологических и биологических) вызовов следует начать рассматривать риск как доминирующую организующую концепцию, а то, как общества справляются с рисками или игнорируют их, – как сдерживание социальной несправедливости. Полагая под риском основание устойчивости любого современного общества, процесс чего мы анализируем далее, мы переосмысливаем само понятие риска и концепцию общества риска – все для более безопасных человеческих и нечеловеческих обществ сейчас и в будущем. Для этого необходимо рассмотреть существующие определения, касающиеся общества и его устойчивости, культуры риска, обозначить недостатки и проблемы современного понимания и попытаться наметить основания для альтернативной концептуальной основы политики преодоления рисков в целях содействия жизнестойким обществам.

Риск – это не дополнительный термин, используемый для обозначения опасности: это особая опасность, в которой никто не виноват, и рассматриваемое событие невозможно предвидеть или рассчитать. Именно эта концепция исторически сложилась в сфере морского страхования, когда стороны столкнулись с невозможностью возложить вину друг на друга. Начиная с XVI в., после разрушения кораблей во время штормов, ответом на получение некоторой степени контроля над природными опасностями без наказания торговли было «обобществление» и «объединение» опасности. Понятие риска уточнялось в течение XIX в. с последовательным развитием нескольких видов страхования: сельскохозяйственного страхования от стихийных бедствий и социального страхования от болезней, с различиями в формах и масштабах времени в Германии, Франции и Великобритании. Это было общее движение, которое маскировало заметные различия в различных национальных контекстах. Успех этих систем выявления и управления опасностью свидетельствует как о стремлении контролировать капризы природы в различных сферах человеческой деятельности, так и о развитии использования статистических данных и расчета вероятностей в общественном достоянии. Эф-

фективность понятия риска обусловлена тем, что оно не относится к определенной категории событий, а представляет собой способ осмысления, объективизации, измерения и управления опасностями [1, 2].

В течение XX в. развитие страхования способствовало «классификации» широкого спектра опасностей, наводнений и землетрясений как «природных рисков», бытовых несчастных случаев – как «бытовых рисков», а болезней и отравлений – как «рисков для здоровья». Такое развитие понятия риска в контексте подъема капитализма подчеркивает, что вся человеческая деятельность сопряжена с присущими ей опасностями и что цель состоит не в том, чтобы искоренить их, а в том, чтобы контролировать их, помещая в рамки и предлагая возмещение или компенсацию. Таким образом, методы страхования стали ключевым инструментом в управлении рисками и их возмещении. Это решение имело решающее прагматическое и политическое преимущество: оно позволяло продолжать деятельность, даже если она была опасной. Она требует радикального пересмотра понятия вины и ответственности, которое было сформулировано с использованием лексики страховщиков, стирая все политические или моральные коннотации. Наказывались только злоупотребления, т.е. ущерб, причиненный рисками, превышающими те, которые считались «нормальными» для данной деятельности, исходя из того, как эта «нормальность» определялась в нормативном контексте того времени.

В 1950-х гг. глобальная угроза ядерной войны заставила людей представить себе сценарии будущего, основанные на расчете вероятностей аварий, которые, конечно же, никогда не случались или крайне редки и связаны в длинных цепочках причин и следствий. Эти ситуации с глобальными последствиями – сильными штормами или террористическими угрозами – имеют тенденцию к росту [2]. Они раскрывают границы понятия риска, предусмотренного исключительно с точки зрения страхования, и предлагают пересмотреть определение «естественных» и «технологических» опасностей, обычно возникающих в результате человеческой деятельности. Эти ситуации в значительной степени привели к возвращению причинности и пересмотру условий рискованной ситуации. Возвращение ответственности наряду с принципом предосторожности в конце 1980-х гг. ясно отражает тупик, в котором сейчас находится основанный на страховании подход к риску. Несмотря на то что проблема ответственности становится все более актуальной, понятие риска постоянно высвечивается и распространяется на все более широкие сферы деятельности. Действительно, появление риска как своего рода метода управления проблемами и популярность концепции «общества риска» среди лиц, принимающих решения, и социологов указывают на то, насколько политизированными эти проблемы стали сегодня [1, 3, 4].

Терроризм, безработица и экологические катастрофы доминируют в повестке дня по всему миру. Однако в отличие от стран бывшего «второго» и «третьего эшелонов», большинство постиндустриальных обществ переживают экономический рост, значительный уровень благосостояния и безопасности, а также длительный период мира на своих родных территориях [5. С. 140]. Тем не менее дискуссия в этих обществах вращается вокруг рисков и опасностей. Немецкий социолог Ульрих Бек приписывает это далеко идущему изменению, которое он называет рефлексивной модер-

низацией, когда непреднамеренные и непредвиденные побочные эффекты современной жизни оборачиваются против современности, ставя под сомнение саму основу ее определения.

С середины 1980-х гг. «риск» стал своего рода знаменем, под которым сплотились общественные науки. Наука породила огромное разнообразие исследований в области политологии, социологии и экономики [1, 6]. Такие концепции, как «цивилизация риска» Патрика Лагадека, «общество риска» Ульриха Бека или «культура риска» Энтони Гидденса [7. С. 38–50] символизируют и поддерживают это движение, которое, хотя и полиморфно, построено вокруг общей предпосылки: убеждения, что риск является характерной чертой современных обществ и центральным параметром при их анализе. Наша «современность» рассматривается как часть радикального перелома, произошедшего примерно в начале 1970-х гг. в результате перехода от индустриального к постиндустриальному или «обществу риска» [7. С. 23–30]. Теперь человечество должно иметь дело с целым рядом глобальных рисков, которые оно само породило в результате своей научно-технической деятельности, для которой планета стала огромной лабораторией. Парадоксально, но для того, чтобы справиться с этими рисками, наше общество испытывает еще большую потребность в науке и технике, которые сами по себе могут обеспечить концептуальные и технические инструменты, позволяющие человечеству понять, идентифицировать, количественно оценить, классифицировать и защитить от таких рисков. Эти преобразования также нашли свое отражение в беспрецедентном развитии регулятивных мер, касающихся систем административного контроля и управления на местном, национальном и международном уровнях [8, 9].

Для Бека и других исследователей в области социальных и политических наук послевоенный бум и триумф капитализма открыли новую модель социальной организации, характеризующуюся более высокой степенью индивидуализации. Бек стремился проанализировать рождение этого нового общества, новые проблемы, связанные с ним, и политические преобразования, необходимые для решения этих проблем [5, 10]. Последовательные кризисы, вызванные угрозами здоровью и окружающей среде в результате научной, медицинской или экономической деятельности, возникшими с начала 1970-х гг., свидетельствуют о том, что мы вступили в новую эру. Такие вопросы по-прежнему находятся на переднем крае общественных дебатов и продолжают мобилизовывать общественность и бросать вызов ограничениям экспертных заключений и нормативных актов [4].

Бек критикует тех, кто утверждает, что западные общества являются «постмодернистскими», и предлагает имманентную критику несостоявшихся обещаний современности. Благодаря собственным успехам современное общество теперь сталкивается с неудачей: если раньше эксперименты проводились в лаборатории, то теперь весь мир – это испытательный стенд. Модерн, который обнаруживается в современном мире, Бек называет другим модерном [10. С. 15]. Это, по сути, порождает «общество риска». Бек очень ясно выразил свою точку зрения на современность, когда сказал, что этот «новый модерн» и позволяет индивиду принимать собственные решения без какой-либо привязки к его классовым или кастовым соображениям. То, что постмодернисты видят как хаос или отсутствие паттерна, Бек видит как риск или

неопределенность. Управление рисками – это главная особенность глобального порядка.

Таким образом, тезис Бека в его самой широкой форме утверждает, что самые современные риски, которые другие, в частности английский социолог Энтони Гидденс, называют «поздним» или «высоким» модерном [11. Р. 39, 178], являются рефлексивными в том смысле, что они являются самоиндуцированными. Риски в «ранний период модерна» были внешними по отношению к самосознательному контролю социальных акторов. Распространяются болезни, плохая погода вредит урожаю, пожары уничтожают городские районы, как будто под воздействием внешних, природных сил. Даже если некоторые из этих рисков были усугублены вмешательством человека, современное восприятие состояло в том, что они были неконтролируемыми. В условиях «нового модерна», напротив, такие риски, как угроза катастрофических инцидентов с ядерными реакторами, явно являются последствиями человеческой деятельности. С этой точки зрения уверенность викторианской эпохи и начала XX в. в постепенном уменьшении риска знаменует собой, по иронии судьбы, переход от внешне обусловленного (природно обусловленного) к общественно обусловленному риску. Научно-технические разработки увязываются с этой рефлексивной схемой, поскольку современные риски, как правило, являются результатом технологических предприятий; наука и техника вовлечены в поиск причин, диагностику и, по возможности, окончательное решение проблемы.

Общее аналитическое заявление Бека было встречено с энтузиазмом многими социологами, и термин «общество риска» был широко принят. Однако детали его анализа не встретили такого же радушного приема. Во-первых, неясно, насколько «современны» все современные риски. Считается, что «коровье бешенство» – в конечном счете, очевидно, передаваемое людьми – распространилось в результате низкотехнологичного бизнеса по производству корма для крупного рогатого скота из животного белка, особенно в контексте энергосберегающих низкотемпературных технологических инноваций. Что еще более важно, примеры Бека, такие как риск выпадения радиоактивных осадков в результате взрыва чернобыльского реактора, имеют общечеловеческое качество. На первый взгляд, последствия могут обрушиться как на бедных, так и на богатых. В этом смысле «общество риска» – это проблема каждого человека. Но как ясно показывают существующие законы об экологии и ситуации с окружающей средой, экологические проблемы все еще часто распределяются довольно неравномерно по этническим и классовым признакам [5. С. 140]. Опасности «общества риска» могут быть распределены не так равномерно, как предполагает Бек. Наконец, Бек довольно мало говорит о причинах культурных различий в значимости различных видов риска, хотя ясно, например, что формулирование рисков и политические меры реагирования на них сильно различаются даже между социально и экономически сопоставимыми регионами, такими как Европа и Северная Америка.

Связь риска и культуры была исследована британским антропологом Мэри Дуглас и несколькими ее коллегами, в частности американским политологом Аароном Вилдавски [12. Р. 2–15]. Развивая знаменитое предположение Дюркгейма о том, что религиозные космологии отражают социальные структуры, Дуглас предположила, что культурные представления об особен-

ностях природы указывают как на отраженный характер общества, так и на глубинные особенности самой природы. Беззаботные, индивидуалистические, динамичные культуры склонны рассматривать природу как живучую и способную позаботиться о себе, в то время как культуры, которые находятся в опасности или беспокоятся о защите своих границ, склонны рассматривать природу как хрупкую и нуждающуюся в защите [12. Р. 16–19]. Впоследствии Дуглас разработала этот подход для изучения риска в развитых индустриальных обществах. Тревога общества по поводу риска, по ее мнению, связана как с культурной «незащищенностью» этого общества, так и с реальной степенью опасности. Ее подход служит для того, чтобы подчеркнуть, в какой степени осознание культурой рисков может быть приписано природе более общих культурных тревог [12. Р. 25–33].

Технологии XX в. были связаны с новыми формами риска, включая риски для всей экосистемы. Правовые рамки и интеллектуальные инструменты, разработанные для регулирования риска, позволили разрабатывать аргументы о риске более изощренными способами, бросая вызов «установочным» интерпретациям безопасности и тем самым порождая живое понимание риска. Повсеместное распространение спорных утверждений о риске и безопасности привело к тому, что «высокие» культуры модерна характеризуются как «общества риска». Разграничение науки в этом сходстве означает, что она все больше и больше ставит под сомнение себя. Все более ускоряющийся процесс формирования приводит к тому, что абсолютных истин больше не существует. Вместо этого сталкиваются многочисленные, часто противоречивые подходы к объяснению по одной и той же теме.

Из этого следует, что дискурс больше не может быть просто заключен с помощью консенсусного научного обоснования. Еще одним следствием этого является то, что политические решения, лежащие в основе экспертных заключений, становятся относительными. Это уже говорит о том, что даже область политики не остается нетронутой процессами демаркации рефлексивной модернизации. Разрыв с традициями индустриального общества делает все обсуждаемым и управляемым; основы принятия решений должны быть пересмотрены. Это приводит к политизации всех сфер жизни. Объяснения неудач таких методов предполагают, что управленцы не знают, как воплотить потребности и требования сообществ в решения. Кроме того, демаркация, обозначенная выше, не меняет процессы принятия решений на местном уровне и реальность того, что власть имущие не желают отказываться от своего контроля над принятием решений, несмотря на инициирование процесса участия общественности. Последнее, будучи временным и ориентированным на проблемы или проекты, подрывает собственный потенциал для получения устойчивых результатов. Следовательно, как обычно понимают, участие общественности не способствует развитию общественных организаций, тем паче институтов, а именно социальных структур, необходимых для решения проблем в их развитии, существовании [4, 8]. Таким образом, наиболее популярный подход к «риску», включая прилагаемые к нему инструменты, в целом представляется контрпродуктивным, особенно в плане содействия устойчивости общества.

В заключение следует рассмотреть важность возникновения понятия «общество риска» и тем самым подчеркнуть центральную роль его политиче-

ского измерения. 1980-е гг., когда Бек и Гидденс создавали свои первые работы, ознаменовались, во-первых, глубоким вызовом формам социального управления, достигшим своего апогея в 1960-е и 1970-е гг., а во-вторых, определенным разочарованием в существующих правилах, призванных защищать от опасностей для здоровья и окружающей среды, связанных с научно-техническими разработками. В то время социология риска стремилась не только описать и проанализировать необузданные кризисы здоровья и окружающей среды, но и объяснить трансформации, которые ознаменовали конец «классового общества» и его превращение в «общество риска», на котором Бек делает особый акцент в своей работе [10. С. 251–267]. Через концепцию «общества/культуры риска» Бек и Гидденс предлагают не только аналитический инструмент и интерпретацию общества, в котором они живут, но и намечают новые методы социального управления, которые они хотели бы видеть реализованными, чтобы помочь противодействовать как ослаблению так называемых традиционных методов управления (профсоюзы, классовая борьба, политические партии с четко определенными предложениями), так и опасности «нового модерна» для всего человечества [7. С. 97–99; 10. С. 358–367].

Этот политический элемент риска был центральным для большого числа исследователей, чьи работы были посвящены обществу риска [4]. Однако в силу своей академической дисциплины, политической подоплеки или предмета своего анализа они придавали «политическому» разнообразие значения. В большом количестве работ по естественным наукам и технике политика рассматривалась как критика технократических методов, используемых в процессах принятия решений, и исследователи высоко оценивали методы, используемые группами заинтересованных граждан для принуждения их к участию в делах, связанных с риском.

Многие социальные исследователи используют риск как средство разработки инструментов, направленных на реформирование таких методов принятия решений и, в конечном счете, на пересмотр методов организации науки и техники, с одной стороны, и социальных проблем – с другой. Это породило большой объем исследований о роли и влиянии науки на риск, которые стали доминировать в этой области и касались демократии участия, «совещательных процедур», например конференции граждан и гибридные форумы. Цель состояла в том, чтобы привлечь граждан к участию в принятии политических решений путем поощрения новаторских дискуссий и форумов для принятия решений. Эти работы породили теории о «хорошей науке» [13. Р. 22–23] и совместном производстве более социально обоснованных экспертных знаний, исходящих, как это было бы, из более широкого консенсуса между учеными, политиками и обычными людьми. Провозглашенные лекарством от всех бед, «совещательные процедуры» [2. Р. 336], по-видимому, являются методом управления не только для многих существующих в настоящее время рисков и конфликтов, которые могут возникнуть из-за них, но и для социально-экономических проблем в целом. Концепции «риска» и «общества риска» имеют большой успех среди политиков и менеджеров. Последние приняли идеи новой формы управления, основанной на более широкой социальной базе для принятия политических решений и совместного управления с заинтересованными сторонами в различных социальных секторах. Некоторые со-

циологи внесли свой вклад в разработку и внедрение этой новой формы управления [6, 11]. Другой подход позволил бы занять радикально иную позицию по отношению к этому новому управлению, т.е. поставить вопрос о том, что это такое, как оно возникло и было развернуто, а затем предложить другую историю социальных изменений за последние 30 лет с более рефлексивной и критической перспективой, что является заделом для будущих научных исследований.

Список источников

1. Truant E., Corazza L., Scagnelli S. Sustainability and Risk Disclosure: An Exploratory Study on Sustainability Reports. *Sustainability*; 9:636. 2018. DOI: 10.3390/su9040636
2. Wimmer J., Quandt T. Living in the risk society // *Journalism Studies*. 2006. 7:2. P. 336–347. DOI: 10.1080/14616700600645461 (accessed: 07.09.2021).
3. Eisenberg E., Jabareen Y. Social Sustainability: A New Conceptual Framework. *Sustainability*; 9:68. 2017. DOI: 10.3390/su9010068
4. Xu J., Wang Z., Shen F., Ouyang C., Tu Y. Natural disasters and social conflict: A systematic literature review // *The International Journal of Disaster Risk Reduction (IJDRR)*. 2016. Vol. 17. P. 38–48.
5. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М. : Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 311 с.
6. Luhmann N., Barrell R., Stehr N., Bechmann G. *Risk: A Sociological Theory* (2nd ed.). Routledge, 2005. 236 p.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
8. Korstanje M.E. *A Difficult World: examining the roots of Capitalism*. New York : Nova Science Publishers, 2015. 72 p.
9. Williams C., Chuprov V., Zubok J. *Youth, Risk and Russian Modernity* (1st ed.). Routledge, 2003. 386 p.
10. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с. Пр. изд.: Beck U. *Risikogesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp, 1986.
11. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1991. 256 p.
12. Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley : University of California Press, 1982. 224 p.
13. Beck U. *Ecological Enlightenment: Essays on the Politics of the Risk Society*. Humanities Press, 1995. 159 p.

References

1. Truant, E., Corazza, L. & Scagnelli, S. (2018) Sustainability and Risk Disclosure: An Exploratory Study on Sustainability Reports. *Sustainability*. 9. DOI: 10.3390/su9040636
2. Wimmer, J. & Quandt, T. (2006) Living in the risk society. *Journalism Studies*. 7(2). pp. 336–347. DOI: 10.1080/14616700600645461
3. Eisenberg, E. & Jabareen, Y. (2017) Social Sustainability: A New Conceptual Framework. *Sustainability*. 9(1). DOI: 10.3390/su9010068
4. Xu, J., Wang, Z., Shen, F., Ouyang, C. & Tu, Y. (2016) Natural disasters and social conflict: A systematic literature review. *The International Journal of Disaster Risk Reduction (IJDRR)*. 17. pp. 38–48.
5. Beck, U. (2008) *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan Outlook]. Translated from German. Moscow: Center for Research of Post-Industrial Society.
6. Luhmann, N., Barrell, R., Stehr, N. & Bechmann, G. (2005) *Risk: A Sociological Theory*. 2nd ed. Routledge.
7. Giddens, A. (2004) *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway world: how globalization is reshaping our lives]. Translated from English. Moscow: Ves' mir.
8. Korstanje, M.E. (2015) *A Difficult World: Examining the Roots of Capitalism*. New York: Nova Science Publishers.

9. Williams, C., Chuprov, V. & Zubok, J. (2003) *Youth, Risk and Russian Modernity*. 1st ed. Routledge.

10. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk society: towards a new modernity]. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Traditsiya.

11. Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, Calif. : Stanford University Press.

12. Douglas, M. & Wildavsky, A. (1982) *Risk and Culture: an Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley: University of California Press.

13. Beck, U. (1995) *Ecological Enlightenment: Essays on the Politics of the Risk Society*. Humanities Press.

Сведения об авторе:

Якуничев Д.А. – студент 1-го курса магистратуры, кафедра философии политики и права, философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: cool.yadani1a2013@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yakunichev D.A. – 1st year student of the Master's program, Department of Philosophy of Politics and Law, The faculty of Philosophy of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: cool.yadani1a2013@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022*

*The article was submitted 23.11.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022*